

Х/30 XXIV $\frac{3}{95}$ 2 карты.

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XXVII.

Печатано по постановленію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.
Тип. Штаба Сиб. в. окр.
1900.

ОСѢДЛЫЕ КИРГИЗЫ-ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ

НА Р. ЧУ.

Л. Чермакъ.

Лѣтомъ минувшаго 1898 года мнѣ пришлось побывать на рѣкѣ Чу для изслѣдованія хозяйства живущихъ тамъ киргизъ, въ административномъ отношеніи причисленныхъ къ Чуйской и Моюнтинской волостямъ, Каркаралинскаго уѣзда. Рѣшеніе ѣхать туда именно въ прошломъ году было вызвано тѣмъ соображеніемъ, что наша статистическая партія могла присоединиться къ каравану уѣзднаго начальника г. Каницъ, который ѣхалъ туда для переучета кибитокъ и образованія новой волости и такимъ образомъ нелегкій путь черезъ Голодную степь былъ-бы для насъ значительно облегченъ. И дѣйствительно, благодаря опытности проводника, мы сдѣлали переѣздъ черезъ Бетъ-пакъ-дала, имѣющую здѣсь свыше 300 верстъ ширины, совершенно благополучно: ни люди, ни лошади, ни верблюды, на которыхъ были навьючены наши вещи, не были особенно утомлены. Но если въ отношеніи самаго переѣзда путешествіе дѣйствительно вышло очень удачно, то въ отношеніи изслѣдованія дѣло обстояло не такъ хорошо. Дѣло въ томъ, что раздѣленіе волости—это такой назрѣвшій, полный значенія для Чуйскихъ киргизъ вопросъ, что дѣкучные вопросы изслѣдователя были какъ нельзя болѣе некстати и киргизы всѣми силами старались отдѣлаться отъ нихъ, чтобы сбиться въ кружокъ и бесѣдовать о своихъ дѣлахъ. Обыкновенно наши изслѣдованія вызываютъ усиленное любопытство, юрты статистиковъ бываютъ полны народомъ, и въ желающихъ давать показанія недостатка не бываетъ; не то было тамъ, и подчасъ на лицѣ опрашиваемаго была написана такая скука, что невольно приходилось складывать перо и бумагу и отпускать его. При такихъ условіяхъ работы, все, что укладывалось въ цифры, удалось зарегистрировать, но различныя данныя описательнаго характера, особенно такія, которыя даются только послѣ

болѣе или менѣе продолжительныхъ разговоровъ и при непремѣнномъ условіи, что опрашиваемый относится съ интересомъ и охотою къ дѣлу,—такія данныя страдаютъ весьма существенными пробѣлами.

Скажу нѣсколько словъ собственно о нашей ѣздѣ. Весь путь отъ Каркаралинска до Чу мы сдѣлали въ 10 дней, изъ которыхъ 3 дня мы ѣхали въ тарантасахъ на смѣнныхъ киргизскихъ лошадяхъ; далѣе, съ урочища Басага, пересѣли на верховыхъ лошадей, оставивъ вещи въ тарантасахъ, а еще черезъ 60 верстъ, съ урочища Темиръ-тамы, близъ горы Ала-кунанъ оставили тарантасы и переложили вещи на верблюдовъ; на урочищѣ Батпакъ-су (въ 70 верстахъ отъ Темиръ-тамы и въ 300—350 вер. отъ города) мы окончательно сформировали нашъ караванъ и 3-го сентября, оставивъ послѣдніе аулы, направились по дорогѣ Канъ-джоль черезъ Голодную степь. Мы выѣзжали часовъ въ 7—8 утра, ѣхали часа 4, полднели часа 2 около колодца съ хорошей водой (падаютъ колодцы съ негодной водой) и затѣмъ опять ѣхали часа 4 до ночевки. За 8—10 часовъ ѣзды мы проѣзжали отъ 50-ти до 80-ти верстъ, не испытывая особенной усталости. Благодаря знающему проводнику, мы не страдали отъ недостатка воды и только на одной стоянкѣ пришлось проработать часа 1½ надъ очисткой колодца. Вода вездѣ не дурная, хотя и очень жесткая, только въ горахъ Чагырлы мы попали на неудачный ключъ съ плохой, тухлой водой.

Въ предѣлахъ Каркаралинскаго уѣзда Голодная степь достигаетъ наибольшей ширины: отъ 300 до 350 верстъ. Сѣверная граница ея далеко не такъ рѣзко очерчена, какъ, напримѣръ, въ Акмолинскомъ или Атбасарскомъ уѣздахъ, гдѣ она, по описанію Ю. А. Шмидта, возвышается крутою 30-ти саженною стѣною надъ прилегающей равниною. Здѣсь ея границею считаются невысокіе холмы Булатъ и Кайлюбай, къ югу отъ которыхъ и начинается Бетъ-пакъ-дала. Поверхность Голодной степи, на всемъ ея протяженіи съ N на S по караванному пути „Канъ-джоль“,—неровная, усѣянная неправильными рядами невысокихъ холмовъ съ прорѣзывающими ихъ оврагами, тянущимися иногда на нѣсколько верстъ и оканчивающимися всегда замкнутой котловиной. Холмы эти почти всегда покрыты мелкими осколками породы, изъ которой они сложены; мѣстами встрѣчаются обнаженія гранита въ видѣ широкихъ, напластованныхъ другъ на друга плитъ, мѣстами бѣлыхъ и цвѣтныхъ кварцитовъ, а по лѣгу Джартасъ, проходящему верстахъ въ 30-ти отъ южной границы Голодной степи, обнажена въ видѣ отвѣсной каменной стѣны какая-то темная крѣпкая порода, какъ бы отполированная съ наружной, открытой вліянію воды и воздуха стороны. Изъ такой

же, главнымъ образомъ, породы состоятъ горы Джамбыль, Чагырлы и Бай-кара, составляющія южную границу Голодной степи. Говорить о почвахъ Голодной степи не приходится, такъ какъ собственно почвы, т. е. слоя земли, въ образованіи котораго принимали участіе растительные и животные организмы, здѣсь нѣтъ, или лучше сказать есть только окодо нѣкоторыхъ колодцевъ, вокругъ которыхъ пометъ останавливавшихся здѣсь стадъ способствовалъ образованію слоя темной земли, густо задернованной различными злаками. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, почвеннаго слоя, въ истинномъ значеніи этого слова, здѣсь нѣтъ; что же касается поверхностнаго слоя земли, то онъ на всемъ протяженіи Голодной степи довольно однообразенъ: на болѣе высокихъ мѣстахъ, на плато, онъ вездѣ усѣянъ неразрушившимися частицами горныхъ породъ и уже на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ дѣлается чрезвычайно плотнымъ, съ большею примѣсью крупныхъ осколковъ камня; по холмамъ онъ усѣянъ щебнемъ изъ основной породы; въ долинахъ между холмами, гдѣ, повидимому, образуются наносные слои, почвы болѣе мелкія, безъ поверхностнаго камня или съ очень незначительной примѣсью его, главнымъ образомъ, въ видѣ гальки и въ большинствѣ случаевъ, когда по этимъ долинкамъ бѣгутъ весеннія воды, солонцеватыя. Вообще всѣ пробы соляной кислотой, — я сдѣлалъ ихъ не менѣе 20, — давали поверхностное вскипаніе, а на глубинѣ 1—2 дюймовъ реакція становилась бурною. Солонцы въ низинахъ покрыты зачастую толстымъ налетомъ солей, и нерѣдки довольно обширныя пространства голыхъ солонцовъ. Солонцы эти, твердые, какъ камень, въ сухое время, дѣлаются чрезвычайно скользкими, вязкими во время дождей. Кромѣ твердыхъ солонцовъ, попадаются солонцы мягкіе съ пушистымъ поверхностнымъ слоемъ.

Растительность Голодной степи также не отличается разнообразіемъ; наиболѣе распространенной является полынь, разные виды которой, преимущественно кара-джусанъ, сопровождаютъ и баялычъ, занимающій менѣе солонцеватыя мѣста, и кокпекъ, смѣняющій баялычъ на солонцахъ и, наконецъ, различныя солянки, уживающіяся на такихъ мѣстахъ, гдѣ ни баялычъ, ни кокпекъ не могутъ выжить. За полынью, по степени распространенія, идетъ баялычъ, образующій сплошныя заросли подчасъ на много верстъ. Кокпекъ встрѣчается уже значительно рѣже. Изъ злаковъ попадаются чій, являющійся, по мнѣнію киргизъ, вѣрнымъ указателемъ близости воды; онъ образуетъ заросли по низинамъ и не боится даже солонцовъ съ выпѣтками солей. Затѣмъ кое-гдѣ по низинамъ, занятымъ баялычемъ, встрѣчается какой-то рѣденькій, низкорослый злакъ, очень похожій

на ковыль. Если прибавить сюда солянки, тюльпаны, высохшія чашечки которыхъ попадаются на каждомъ шагу, да „шайръ“—крупное зонтичное растеніе, стоящее рѣдкими маяками среди баялычей—такъ будутъ исчерпаны всѣ чаще другихъ попадающіяся на глаза растенія. Этотъ шайръ (*Ferula*) интересенъ выдѣляющейсѣ въ верхней части стебля смолкой, которой киргизы приписываютъ цѣлебныя свойства, увѣряя между прочимъ, что она излечиваетъ лошадей отъ сапа.

Изъ живыхъ существъ намъ попадались только сѣрый жаворонокъ, да изрѣдка небольшія стайки булдуруковъ. Въ общемъ Голодная степь въ ту пору, когда мы перѣѣхали ее, имѣла унылый, утомительный своимъ однообразіемъ сѣрый колоритъ: сѣрыя почвы, сѣрый баялычъ съ сѣрыми незамѣтными цвѣтками, сѣрая полынь, сѣрый кокпекъ; только солянки выдѣлялись яркими зелеными и красными пятнами на бѣломъ фонѣ солонцовъ. Впрочемъ, есть время, когда и Голодная степь оживаетъ и бываетъ пожалуй красивой и жизнерадостной,—это раннею весною, когда на фонѣ свѣжей сочной ярко-зеленой листвы баялыча, еще не спаленной солнцемъ, нестрѣбуютъ разноцвѣтныя головки тюльпановъ, въ изобиліи растущихъ по всей степи.

Я уже говорилъ, что Голодная степь отдѣляется отъ Чуйской долины горнымъ хребтомъ, носящемъ въ различныхъ частяхъ названіе Бай-кара, Чагырлы и Джамбыль, послѣдняя, восточная часть наиболѣе высокая. Ширина хребта, вѣроятно, не менѣе 10 вер., а по прорѣзывающимъ его поперекъ логамъ: Анда-сай, Джель-сай и Алма-сай, служащими дорогою,—вдвое больше. Эти лога,—мнѣ пришлось проѣхать по двумъ изъ нихъ: по Анда-саю и Джель-саю,—представляютъ собою довольно извилистыя ущелья, то расширяющіяся, то суживающіяся, съ крутыми, состоящими мѣстами изъ чистаго камня, стѣнами. Дно этихъ ущелій поросло камышемъ, джынгыломъ, колючимъ шенгелемъ, какой-то высокой полынью, злаками, мѣстами солянками и др. Въ углубленіяхъ почвы—такъ называемыхъ кара-су,—вода соленая; вся почти почва съ выцвѣтами солей. Въ эти лога впадаетъ много болѣе или менѣе крупныхъ логовъ, и весною по нимъ проносятся масса воды по направленію къ Чу. Кромѣ ряда кара-су въ этихъ логахъ, вода которыхъ, по крайней мѣрѣ къ концу лѣта, негодна для питья, въ горахъ имѣется немало ключей съ хорошей прѣсной водой. Благодаря сравнительному обилію воды въ этихъ горахъ и недурному корму, особенно для овецъ и верблюдовъ, киргизы, живущіе на Чу, очень дорожатъ этими горами, выпасывая на нихъ въ жаркое время года свои стада, когда на Чу ни верблюды,

ни овцы не могут оставаться изъ-за массы появляющихся въ это время комаровъ и друг. жалящихъ и кусающихъ насѣкомыхъ.

Если ѣхать съ Чу по Джель-саю, такъ по выходѣ изъ горъ дорога развѣтвляется; одна вѣтвь поворачиваетъ на W и сливается съ Канъ-Джол'омъ, другая идетъ на NO—это такъ называемая Чакъ-чагайлы джоль. Эта послѣдняя гораздо удобнѣе для передвиженія въ экипажѣ, чѣмъ первая, такъ какъ здѣсь вовсе отсутствуютъ солонцеватые мѣста, ставящіе значительныя препятствія для проѣзда по Канъ-Джолу на колесахъ, особенно послѣ дождей. Источники расположены не рѣже, чѣмъ по Канъ-Джолу, и вода вездѣ хорошая. Общій характеръ рельефа по Чакъ-чагайлинской дорогѣ болѣе ровный, чаще встрѣчаются обширныя равнины и самые холмы болѣе пологи и не такъ высоки, какъ дальше на западъ. Въ почвахъ особенной разницы незамѣтно и развѣ только чаще попадаются вывѣтрившіяся, въ которыхъ камня меньше, чѣмъ въ тѣхъ, что лежатъ западнѣе. Попадаютъ выходы кварцитовъ, гранитовъ, а близъ сопки Кара-онгырь есть оврагъ, стѣны котораго состоятъ изъ конгломерата. Растительность та же, что и по Канъ-Джолу, съ тою незначительною разницею, что здѣсь меньше солянокъ и кокпековъ и чаще встрѣчаются злаки, да и граница злаковъ отошла нѣсколько на югъ по сравненію съ Канъ-Джоломъ.

Къ югу отъ хребта Чагырлы-Джамбыль разстилается ровная, съ незначительнымъ для глаза уклономъ къ югу долина р. Чу, въ началѣ мало отличающаяся отъ Голодной стени, по крайней мѣрѣ, по растительности, среди которой преобладаютъ тотъ же байлычъ да полынь, чередующіеся съ солянками; но по мѣрѣ удаленія на югъ, разница становится рѣзче. Верстахъ въ 25 отъ горъ, дорогу пересѣкаетъ нѣчто въ родѣ сухого русла съ пологими, возвышающимися сажени на $1\frac{1}{2}$ берегами, при ширинѣ сажень въ 100—120; называть мнѣ это русло не могли и на вопросъ, не текла-ли здѣсь раньше рѣка, отвѣчали отрицательно. Еще черезъ 10 верстъ начинаются заросли сексеулы. Тутъ уже характеръ мѣстности сильно измѣняется: почва почти чисто песчаная, подъ сексеуломъ чередуется съ гладкими, плотными, точно хорошо выбитый токъ, солонцами. Пески мѣстами образуютъ невысокіе, длинные холмики, также покрытые сексеуломъ и нѣкоторыми другими растеніями. Эти холмики, или лучше сказать бугры, имѣютъ протяженіе съ NO на SW, что позволяетъ думать, что здѣсь, въ противоположность SW вѣтрамъ, преобладающимъ въ сѣверной части уѣзда, господствуютъ NO вѣтры; это видно и по деревьямъ, неимѣющимъ вѣтвей на NO сторонѣ и протягивающимъ ихъ въ сторону SW. За сексеулами начинаются

полосы пашень. Собственно говоря, пашни занимают сравнительно небольшую часть обширной полосы между сексеулами и течением Чу, вѣроятно, менѣе 1% (принимая ширину ея въ 15 верстъ и длину по Чу 100 верстъ, а площадь пашень въ 1500 десят.), но вся эта площадь, за исключеніемъ неудобныхъ мѣстъ, побывала въ болѣе или менѣе отдаленное время подъ пашней. Полоса эта въ естественно-историческомъ отношеніи не однообразна на всемъ своемъ протяженіи, и въ восточной части она богаче, чѣмъ въ западной: въ первой растительность разнообразнѣе и болѣе мощна, чѣмъ во второй. Здѣсь мы находимъ цѣлыя рощи джиде (*eleagnus*), достигающей нѣсколькихъ саженъ высоты, при толщинѣ нижняго отруба въ 4 и болѣе вершковъ, затѣмъ какой-то видъ *Populus*'а, нѣсколько видовъ ивъ, сагапана, джингыль (*tamar*), почти достигающій размѣровъ дерева, колючій кустарникъ изъ семейства бобовыхъ—шенгель и др. Изъ травянистыхъ растеній камышъ, растущій не широкой полосой по Чу и около стоячихъ водъ, затѣмъ осолодка, достигающая здѣсь размѣровъ въ ростъ человѣка и въ смѣси съ различными двудольными, образуящая трудно проходимыя заросли; далѣе попадаются цѣлыя десятины дощаника (*melilotus*) въ саженъ высоту; мѣстами какой-то видъ клевера въ смѣси съ другими растеніями образуетъ сплошной густой дернъ. Особенной густотой, разнообразіемъ и мощностью развитія отличается растительность по берегамъ рѣки: тутъ различныя древесныя, кустарниковыя и травянистыя формы переплетены вьющимися растеніями, изъ которыхъ особенно красивъ какой-то видъ clematis'а съ плодами, усаженными длинными бѣлыми тонкими пушистыми нитями, напоминающими султанъ ковыля; тутъ же рѣзко выдѣляется своею нѣжною зеленою дикая спаржа, достигающая высоты въ ростъ человѣка, затѣмъ какой-то видъ мальвы и др. Все это образуетъ непровицаемую чашу, въ которой только кабанъ прокладываетъ свои тропы. По отзывамъ киргизъ, почвы здѣсь лучше, чѣмъ въ западной части, и на видъ онѣ темнѣе и не такъ солонцеваты, т. е. здѣсь чаще попадаются мѣста безъ выпѣта соли и рѣже сплошные голые солонцы, чѣмъ на западѣ, гдѣ преобладаютъ солонцы, поросшіе джантакомъ (колючая трава изъ сем. бобовыхъ); низкорослой лебедой, да рѣдкими кустами сексеула и джингыла, уцѣлѣвшими отъ корчевки; если упомянуть еще о 2—3 видахъ злаковъ, зеленыхъ и красныхъ толстолиственныхъ солянкахъ, да нѣсколькихъ видахъ мелкаго кустарника, такъ будутъ исчерпаны преобладающіе представители флоры этой болѣе бѣдной части описываемой мною мѣстности. Въ общемъ вся прибрежная полоса отъ границы Пишпекскаго уѣзда до Акмолинскаго, представляетъ

равнину, однообразный рельефъ которой нарушается только песчаными буграми да углубленіями, заполненными водою. Сама Чу течетъ здѣсь широкой—саженъ въ 30—глубокой рѣкою въ низкихъ—аршина полтора, берегахъ, окаймленныхъ неширокою полосой густыхъ зарослей, о которыхъ я уже говорилъ выше. Киргизы говорятъ, что настоящее русло Чу осталось гдѣ-то на югѣ въ Аульбаитинскомъ уѣздѣ и что теперь Чу течетъ по размытому арыку. Конечно, трудно судить, насколько это справедливо, но то обстоятельство, что выше и ниже этого мѣста Чу течетъ многими рукавами и дѣлаетъ массу извилинъ, даетъ нѣкоторую правдоподобность такому утверженію киргизъ. Уровень воды въ Чу мало измѣняется въ теченіе года: большихъ разливовъ не бываетъ, точно такъ же какъ сравнительно рѣдки годы, когда спадъ водъ настолько великъ, что арыки не приносятъ достаточнаго количества воды на пашни. Теченіе Чу довольно быстрое и вода даже въ сентябрѣ, когда я видѣлъ ее, была мутна; можно думать, что весною она несетъ еще больше взмученныхъ частицъ, которыя и осаждаются при разливѣ. Весьма вѣроятно, что происхожденіе верхняго слоя почвы въ долину рѣки именно такого наноснаго происхожденія.

Чтобы покончить съ естественно-историческимъ очеркомъ Чу, долженъ сознаться весьма поверхностнымъ, я упомяну еще о нѣкоторыхъ представителяхъ здѣшней фауны. Прежде всего придется указать на кабана, который во множествѣ водится вездѣ, гдѣ имѣются густыя заросли камыша и др. растений. Киргизы за нимъ не охотятся и только изрѣдка убиваютъ особенно назойливаго въ своихъ набѣгахъ на поля; по вечерамъ, лишь только стемнѣетъ, на поля отправляется молодежь, зажигаетъ костры и криками отгоняетъ кабановъ, выходящихъ въ эту пору изъ своихъ логовищъ. Въ сексеулахъ много мелкихъ зайцевъ; изрѣдка заходитъ сайга. Изъ хищниковъ называютъ дикую кошку, волка и тигра, изрѣдка приходящаго сюда изъ обширныхъ камышевыхъ зарослей, находящихся по ту сторону Чу и около Балхаша. Изъ птицъ здѣсь въ изобиліи водятся фазанъ, булдурукъ (степной голубь) и громадныя массы скворцовъ, летающихъ цѣлыми тучами и при полетѣ издающихъ шумъ, напоминающій отдаленный громъ. Скворецъ этотъ, вмѣстѣ съ торгакомъ или шимшикомъ (сѣро-бурья птицы величиною съ жаворонка) наносятъ большой вредъ полямъ. Далѣе водятся гуси, разнообразныя утки, попадаетъ пеликанъ, журавль и др. Около жилищъ всегда масса сорокъ и воронъ. Упомяну кстати объ опаснѣйшемъ врагѣ земледѣлія, наносящемъ ежегодно большіе уронъ киргизамъ—о кобылкѣ, представленной здѣсь различными видами. Воды Чу изобилуютъ ры-

бой. Рыбаки, приѣзжающіе сюда изъ Семирѣчья, насчитываютъ здѣсь до десятка видовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе: сазанъ, сомъ, усачъ, жереха (вродѣ нельмы), окунь, налимъ, щука. Киргизы почти не занимаются рыболовствомъ; русскіе же рыбаки вылавливаютъ массу рыбы, которую круто солятъ прямо въ бунтахъ или-же вялятъ на солнцѣ и въ такомъ видѣ продаютъ въ Вѣрномъ, Пишпекѣ двѣ—три семьи рыбаковъ, видѣнныхъ мною на Чу, вылавливаютъ въ годъ тысячи пудовъ рыбы и надѣются вылавливать еще болѣе, когда соберутся поставить сѣти, вмѣсто вентелей, которыми ловятъ теперь. Мнѣ-бы нужно было привести хоть краткія метеорологическія условія Чу, но все, что мнѣ удалось узнать, исчерпывается тѣмъ, что зимы здѣсь короткія—мѣсяца 3—3½, снѣгъ ложится въ концѣ ноября, и въ началѣ марта его уже нѣтъ. Толщина его слоя не превышаетъ 3—4 вершковъ, а обыкновенно меньше; морозы бываютъ довольно сильные. Дожди проходятъ главнымъ образомъ весной, лѣтомъ ихъ вовсе не бываетъ, осенью они рѣдки. Можно думать, что лѣтнія жары достигаютъ 50°R. и можетъ быть больше, судя по тому, что 11-го сентября въ 2 часа дня термометръ, подвѣшенный къ юртѣ подъ прямыми лучами солнца показывалъ 42°R., а 13-го даже 45°R. Разница въ температурѣ дня и ночи довольно велика; такъ, къ закату солнца того-же 13-го сентября термометръ упалъ до 10°, а часовъ въ 10 было уже только 7°.

О времени заселенія Чу мнѣ не удалось получить никакихъ опредѣленныхъ указаній, извѣстно только, что эти мѣста заняты уже давно и что дѣды и прадѣды теперешнихъ стариковъ жили здѣсь, занимаясь земледѣліемъ. Думаютъ, что предки ихъ пришли сюда откуда-то изъ Туркестанскаго края, привлеченные, вѣроятно, удобными для арычнаго земледѣлія мѣстами. Лѣтъ 50—55 тому назадъ, во время смутнаго періода въ степи, тѣснимые киргизами средней орды изъ родовъ Кыргызы и Найманы, они покинули Чу и ушли къ своимъ родовичамъ въ Копальскій уѣздъ, въ то время только что занятый русскими. Тамъ они прожили около 25 лѣтъ, занимаясь также земледѣліемъ и скотоводствомъ, но условія тамошней жизни имъ не понравились, и они возвратились на Чу, которая къ тому времени была также присоединена къ Россіи. Старики помнятъ, что тогда имъ жилось лучше, чѣмъ теперь; у нихъ было больше скота и хлѣба, а главное было больше свободы и меньше поборовъ, чѣмъ теперь. Объясняютъ они это, между прочимъ, тѣмъ, что тогда они жили здѣсь исключительно своимъ родомъ, составляя двѣ вѣтви рода Усѣнь (Большой орды) Джалаиръ и Дулатъ. Первые занимали, главнымъ образомъ, правый берегъ Чу, гдѣ они живутъ и посейчасъ, вторые—

лѣвый берегъ. Но лѣтъ 12—15 тому назадъ, когда произошло раздѣленіе Каркаралинскаго и Аулиеатинскаго уѣздовъ, дулатцы въ числѣ сотни хозяевъ, жившіе среди джалаиловцевъ на правомъ берегу рѣки, ушли къ своимъ родовичамъ въ Аулиеатинскій уѣздъ, а оставшіяся свободными послѣ ихъ ухода земли были заняты бѣдняками киргизами изъ рода Карсень (Средней орды) съ разрѣшенія джалаиловцевъ. За бѣдняками пришли богачи и теперь джалаиловцы имѣютъ много поводовъ раскаиваться въ томъ, что пустили къ себѣ аргынцевъ: помимо непосредственныхъ поборовъ, учиняемыхъ различными властями, въ родѣ управителя, избираемыхъ всегда изъ аргынцевъ и просто вліятельными киргизами, они какъ то незамѣтно попали въ сѣти, раскинутыя здѣсь богачами, и теперь находятся у нихъ въ неоплатномъ долгу. Все это въ связи съ родовой непріязнью, а также съ тѣмъ, что аргынцы стѣснили джалаиловцевъ въ землѣ, порождаетъ между ними рознь, переходящую порой въ острые столкновенія, результатомъ которыхъ было, напримѣръ, оставленіе двумя большими группами джалаиловцевъ своихъ земель и переселеніе ихъ въ Аулиеатинскій уѣздъ къ родовичамъ. Завѣтная мечта джалаиловцевъ—выдѣлиться въ особую волость. Насколько сильно у этихъ двухъ родовыхъ группъ тяготѣніе къ своимъ, видно хотя бы изъ того, что для джалаиловцевъ рынкомъ служить городъ Аулиеаты, находящійся отъ Чу въ 200 верстахъ къ югу; здѣсь они запасаются необходимыми предметами въ своемъ хозяйствѣ и продаютъ то, что ускользаетъ отъ мѣстныхъ кулаковъ, тогда какъ аргынцы считаютъ своимъ рынкомъ Каркаралинскъ, отстоящій на цѣлыхъ 700 верстъ, изъ которыхъ половина приходится на Голодную степь. Интересно было-бы прослѣдить, какъ старый родовой строй хозяйства джалаиловцевъ разрушается подъ вліяніемъ иныхъ началъ, вносимыхъ въ ихъ жизнь пришельцами. Такъ, напримѣръ, пришедшіе сюда богачи аргынцы ввели неизвѣстный до нихъ посѣвъ исполу. Прежде общинники, принадлежавшіе всегда къ одному роду, помогали другъ другу и трудомъ, и продуктами и были приблизительно одного достатка—ни крайнихъ бѣдняковъ, ни богачей не было¹⁾. Но вотъ явился съ сѣвера богатый торговецъ киргизъ, захватившій въ свои руки одинъ изъ лучшихъ тогановъ; теперь этотъ тоганъ зовется его именемъ, онъ его аксакалъ, хотя самъ на Чу не живетъ, и выборныя лица тогана являются чуть-ли не служащими этого богача—и предложилъ бѣднякамъ брать у него сѣмяна на посѣвъ, въ которыхъ они такъ нуждаются, а ему отдавать, кромѣ сѣмянъ, еще

¹⁾ И теперь у перваго богача джалаиловца только 20 лошадей, 5 верблюдовъ, да 100 рогатаго скота и до 400 овецъ.

половину урожая. И вотъ теперь исполный посѣвъ привился на Чу и, говорятъ, очень распространенъ, хотя намъ и не удалось зарегистрировать этого явленія, такъ какъ киргизы почему-то скрывали исполщину.

По переписи 1898 года, на Чу оказалось 616 наличныхъ хозяйствъ, составившихъ 190 ауловъ, разбивающихся въ административномъ отношеніи на 5 старшинствъ: 4 Чуйской и 1 Моюнтинской вол. Въ хозяйственномъ отношеніи они распредѣляются по 16 тоганамъ, изъ которыхъ 4 принадлежатъ аргынцамъ, а 14 джалаи-ровцамъ. Тоганомъ собственно называется главный арыкъ, приносящій воду изъ Чу, онъ объединяетъ хозяевъ, пользующихся приносимою имъ водою, а право пользованія водою обусловлено участіемъ въ работахъ по проведенію тогана. Если принять во вниманіе, что теперь длина тогановъ достигаетъ 20 верстъ, такъ можно себѣ представить, какую массу труда необходимо было положить на проведеніе и поддержаніе такого арыка, особенно въ такихъ случаяхъ, когда приходится дѣлать высокую насыпь для проведенія воды чрезъ низины или наоборотъ прорывать высокія мѣста. Само собою разумѣется, что такая работа могла быть произведена только соединенными силами многихъ, и вотъ почему мы видимъ, что все населеніе Чу раздѣлилось по числу главныхъ арыковъ на 18 общинъ, объединенныхъ совмѣстнымъ трудомъ по проведенію арыка и по пользованію орошаемою имъ землею.

Направленіе тогана опредѣляетъ площадь земли, используемой данной группой хозяевъ: все, что находится между двумя тоганами—принадлежитъ группѣ, владѣющей тоганомъ, начинающимся выше по теченію рѣки; впрочемъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда вверхъ отъ тогана находится участокъ, который можетъ быть орошенъ водою этого арыка, такъ этотъ участокъ используется именно этой, а не выше лежащей группой. Въ иныхъ случаяхъ вопросъ, кому занимать спорный участокъ—выше или ниже лежащей общинѣ, рѣшается жребіемъ. Никакихъ условныхъ границъ, опредѣляющихъ землепользованіе различныхъ общинъ, нѣтъ; границу дѣлаетъ вода и территория, находящаяся за пашнями считается въ общемъ пользованіи до тѣхъ поръ, пока она не будетъ прорѣзана тоганомъ.

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ между двумя сосѣдними тоганами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ аргынцамъ, а другой джалаи-ровцамъ, имѣется граница, установленная во избѣжаніе споровъ, такъ какъ рельефъ мѣстности позволяетъ ниже лежащему тогану орошать земли по обѣ стороны. Разстояніе между двумя сосѣдними тоганами неодинаково на всемъ протяженіи ихъ: оно, вслѣдствіе не-

ровности поверхности, то уменьшается до 1 версты, то возрастает до 8—9 верст, а стало быть и площади, заключенныя между каждой парой арыковъ, могутъ быть неодинаковы, но это обстоятельство не влечетъ за собою стѣсненія въ землѣ однихъ группъ передъ другими, такъ какъ, во-1-хъ, каждая община можетъ выдвинуть свой тоганъ дальше вглубь, а, во-2-хъ, и самыя группы не представляютъ собою чего то совершенно неподвижнаго и переходъ изъ малоземельнаго тогана въ многоземельный допускается обыкновенно принимающей группой. Впрочемъ, случаи перехода изъ тогана въ тоганъ довольно рѣдки и, конечно, случаются только между киргизами одного рода.

Отлучившіеся сохраняютъ право на землю въ своемъ тоганѣ и по возвращеніи получаютъ землю сообразно своему участию въ общественныхъ работахъ. Случаи приѣма постороннихъ хотя и бываютъ, но рѣдко, и если они и пользуются землею наравнѣ съ прочими при условіи несенія извѣстной части повинностей и участія въ общественныхъ работахъ, то во всякомъ случаѣ общество вправѣ каждую минуту отобрать у нихъ земли, иначе говоря, прогнать ихъ, если они окажутся не ко двору. По смерти главы семьи, право на его участокъ принадлежитъ взрослому сыну, а если такого нѣтъ, такъ вдовѣ, но если такая осиротѣлая семья не принимаетъ дѣльнѣйшаго участія въ работахъ по проведенію арыка, такъ не получаетъ и земли. Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ общество отводитъ бѣднякамъ участокъ земли, не требуя участія въ работахъ. Если вода опредѣляетъ площадь пахотныхъ земель, используемыхъ данною общиной и регулируетъ земельныя отношенія сосѣднихъ общинъ, то такую же роль при развѣсткѣ пахотной земли между общинниками играетъ трудъ. По обычаю въ общественныхъ работахъ долженъ принимать участіе каждый мужчина не ниже 16-ти лѣтняго и не выше 60-ти лѣтняго возраста, и каждый участникъ получаетъ одинаковый пай. Замѣчу, что за послѣднее время бываетъ неизвѣстный раньше наемъ батраковъ на работы по проведенію арыка.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ пользованія пахотными землями. Что касается пастбищъ, то пользованіе ими почти совершенно свободно: каждый можетъ пасти свой скотъ, гдѣ ему угодно. На дѣлѣ скотъ одного тогана рѣдко заходитъ въ чужой тоганъ прямо таки потому, что въ этомъ нѣтъ надобности. Обычный порядокъ пастбы таковъ: съ наступленіемъ осени всѣ выходятъ въ сексеулы и стоятъ тамъ, пока не изсякнутъ весеннія воды въ водомойнахъ; тогда, и во всякомъ случаѣ до наступленія жаровъ, отгоняютъ овецъ, вер-

блюдовъ и весь прочій скоть въ горы, гдѣ разбиваются по нѣсколь-
ку семей и пасутъ свои стада до начала сентября, когда жары спа-
дуть, комары и мошки пропадутъ и скоть свободно можетъ пастись.
Когда ляжетъ снѣгъ, овецъ гонять въ сексеулы, гдѣ у каждого хозяи-
на имѣются свои *кон'ы*, т. е. мѣста прошлогоднихъ стоянокъ, на
которыхъ накопился навозъ отъ ночевавшихъ на одномъ и томъ-же
мѣстѣ стадъ. Въ сексеулахъ держать только однѣхъ овецъ, за ко-
торыми присматриваетъ молодежь, тогда какъ рогатый скоть и вер-
блюды подъ присмотромъ стариковъ отгоняются въ камыши къ рѣкѣ.
Во время сильныхъ холодовъ и овецъ отгоняютъ въ камыши. Бѣд-
няки выбираютъ такія мѣста, чтобы и камыши были недалеко, и
сексеулы, идущіе на топливо, также поблизости.

Замѣчу здѣсь-же, чтобы не возвращаться къ этому потомъ, что
на Чу ежегодно зимуетъ значительное количество овецъ, пригоняе-
мыхъ сюда гуртовщиками, и по количеству корма здѣсь въ камы-
шахъ можно было-бы прокормить очень много скота на подножномъ
кормѣ, если-бы не „кзыль-су“, т. е. не разливъ Чу поверхъ льда,
затопляющій берега; если овцы попадутъ на „кзыль-су“, когда она
течетъ, такъ намокнутъ и пропадаютъ, ходить же по залитымъ мѣ-
стамъ послѣ того, какъ вода замерзнетъ, овцы не могутъ—слиш-
комъ скользко.

Что касается покосовъ, то въ глазахъ мѣстныхъ киргизъ они
особенной цѣны не имѣютъ, такъ какъ почти весь скоть круглый
годъ проводить на подножномъ кормѣ. Собственно говоря, здѣсь даже
вовсе нѣтъ уборки травы косой, такъ какъ коса киргизамъ неиз-
вѣстна, и ее замѣняетъ серпъ, которымъ они убираютъ какъ по-
сѣвную люцерну, такъ и нѣкоторое количество камыша, запасаемаго
ими на всякій случай на зиму. Нужно полагать, что предпочтеніе,
отдаваемое ими камышу и нѣкоторымъ другимъ высокоростущимъ
травамъ, объясняется именно тѣмъ, что ихъ приходится не косить,
а жать. Каждый хозяинъ облюбовываетъ себѣ участокъ камыша и
выжинаетъ его изъ года въ годъ. Но далеко не все то, что можно
было-бы убрать, убирается, и потому никто не въ претензіи, если
кто-либо изъ хозяевъ вздумаетъ увеличить свой запасъ камыша.

Прежде чѣмъ перейти къ technikѣ земледѣлія, я упомяну о вы-
борныхъ лицахъ въ тоганѣ, на которыхъ лежатъ хозяйственные и
др. обязанности, но не административныя впрочемъ. Такихъ лицъ
двое: *аксакаль* тогана и *мурапъ* или *шебакиш*. И тотъ, и другой вы-
бираются сходомъ всего тогана; въ аксакалы выбирается наиболѣе
почтенный, уважаемый человекъ; его рѣшенія во всѣхъ случаяхъ,
касающихся собственно земельныхъ вопросовъ, считаются оконча-

тельными и обязательными для спорящихъ. Онъ вмѣстѣ съ мурапомъ опредѣляетъ величину участка для орошенія; онъ назначаетъ очереди для воды и т. д. Положеніе аксакала считается почетнымъ, срокъ его полномочій не установленъ, за службу свою обществу онъ получаетъ $1\frac{1}{2}$ пая земли, не принимая лично участія въ работахъ.

Обязанности мурапа если и не требуютъ такого запаса дипломатическихъ способностей, какъ обязанности аксакала, то во всякомъ случаѣ поглощаютъ массу времени и требуютъ исключительной сообразительности. На немъ лежитъ, во-1-хъ, наблюденіе за тоганомъ: необходимо ежедневно осматривать тоганъ на всемъ его протяженіи, слѣдить, чтобы гдѣ нибудь не прорвало бы его или не запрудило-бы; если поврежденія незначительныя, онъ на мѣстѣ самъ же исправляетъ ихъ, если самому не справиться, онъ долженъ нарядить на эту работу другихъ; во-2-хъ, онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы расходованіе воды совершалось правильно; въ-3-хъ, при продолженіи тогана, онъ опредѣляетъ направленіе тогана. Последнее, при томъ условіи, что мурапъ не пользуется никакими нивелирующими приборами, а соображаетъ прямо на глазъ, является весьма труднымъ. Дѣло въ томъ, что воду во вновь прорытый тоганъ обыкновенно пускаютъ только тогда, когда онъ совершенно законченъ на всемъ своемъ протяженіи. Нетрудно видѣть, что нужна масса сообразительности, чтобы сдѣлать всѣ выемки и насыпи какъ разъ впо-ру, чтобы вода пошла по всему арыку и чтобы не прорвало его. При этомъ мурапъ долженъ сообразить, чтобы участка, рассчитаннаго для орошенія, хватило для удовлетворенія потребности въ пашнѣ. Съ ранней весны мурапъ занятъ цѣлый день, почти не слѣзая съ своего быка, на которомъ ѣздитъ, почему-то предпочитаая его лошади, и имѣетъ отдыхъ только осенью послѣ того, какъ сдѣлана плотина, преграждающая доступъ воды изъ Чу въ арыкъ, во избѣжаніе того, чтобы весенній разливъ не наводнилъ-бы тогана. Последнее нежелательно, такъ какъ высокая вода можетъ попортить арыкъ, засорить, прорвать его и залить такія мѣста, которыя заливать не слѣдуетъ.

Ранней весною, какъ только можно приступить къ земледѣльческимъ работамъ, вспахиваютъ поля, оставленные подъ пшеницу и засѣваютъ ихъ. Сѣвооборотъ здѣсь таковъ: въ 1-й годъ сѣютъ просо, конакъ¹⁾ и отчасти пшеницу, во 2-й—пшеницу, другіе хлѣба, кромѣ проса и конака, и разводятъ бахчи; иногда бахчи разводятъ и по 3-му году. Такимъ образомъ, необходимо ежегодно занимать новый участокъ для пашень, но случается, что не хватаетъ силъ для этой работы и тогда волей-неволей приходится довольствоваться старой

¹⁾ По Анненкову кунакъ—*Setaria italica*.

пашней. Такъ именно было весной 1898 года, когда вслѣдствіе голодной зимы киргизы такъ отошались къ веснѣ, что не могли выполнить тяжелой работы по проведенію новыхъ тогановъ, почему и вынуждены были сократить посѣвы проса. Многіе изъ нихъ чувствовали себя настолько плохо, что были вынуждены уйти вмѣстѣ со скотомъ въ горы, чтобы тамъ оправиться на молокѣ.

Послѣ посѣва пшеницы принимаются за исправленіе стараго тогана и удлиненіе его. По окончаніи тогана приступаютъ къ раздѣлу орошаемаго участка. Вотъ какъ происходило это въ тоганѣ Бутумбая Сати весной 1898 года. Въ работахъ по продолженію тогана отъ 18-ти хозяйствъ участвовало 28 человекъ, которые проработали 15 дней; по окончаніи работъ оказалось, что на cadaго участника придется площадь въ 33 саж. ширины (по тогану) и 66 саж. длины; самая разверстка происходила такъ: сначала весь участокъ былъ раздѣленъ на двѣ части и хозяйства также разбѣлись на двѣ группы по родству и дружбѣ; каждая изъ этихъ частей снова раздѣлена пополамъ и семьи разбѣлись такъ, чтобы въ каждой изъ группъ было по 7 работниковъ. Прежде всего были выдѣлены участки для хозяйствъ съ однимъ работникомъ, при чемъ въ случаѣ разногласій прибѣгаютъ къ жеребью; далѣе шла жеребьевка между семьями съ 2-мя работниками и т. д. Черезполосицы нѣтъ, каждое хозяйство имѣетъ свой обособленный участокъ.

Общія работы при проведеніи арыковъ на этомъ и кончаются, далѣе каждая семья работаетъ сама на себя отдѣльно или соединяется съ другой для выполненія сообща тѣхъ или иныхъ работъ. Каждое хозяйство обязано ограничиться отведеннымъ ему участкомъ и не имѣетъ права захватить себѣ больше, если-бы это и было возможно, такъ какъ этимъ они принесли-бы ущербъ другимъ хозяйствамъ тогана вслѣдствіе большаго израсходованія воды. Прежде всего каждый хозяинъ проводитъ канаву по своему участку къ тогану, затѣмъ разбиваетъ свой участокъ на мелкія доли такъ называемыя *атызы*, что обозначаетъ въ переводѣ слѣдъ лошади. Атызъ—это участокъ пашни, окруженный невысокимъ валикомъ, назначеніе котораго задержать воду; по заполненіи перваго атыза вода пропускается во второй и т. д. Число и величина атызовъ зависятъ отъ большей или меньшей неровности почвы: чѣмъ поле ровнѣе, тѣмъ число ихъ меньше и размѣры больше, и наоборотъ. Устройство атызовъ представляетъ довольно кропотливую работу; такъ, на участкѣ въ 1800 кв. саж. двое, работая съ восхода до заката, сдѣлали 90 атызовъ въ 3 дня; на другомъ участкѣ въ 2200 кв. с. также двое надъ 8-ю атызами работали 4 дня. Случается, что для

работъ по устройству атызовъ хозяева сосѣди соединяются по двое и трое.

Когда атызы готовы, пускаютъ на поле немного воды, сбиваютъ траву мотыгою и сѣютъ просо и конакъ, идущіе всегда по первому году, какъ особенно страдающіе отъ сорныхъ травъ. Послѣ посѣва приступаютъ къ первой вспашкѣ, назначеніе которой, кромѣ размельченія почвы, задѣлать сѣмена. Пашутъ шойнъ-тызомъ пальца на 4, запрягаютъ въ него пару воловъ, лошадей или верблюдовъ. Послѣ вспашки забораниваютъ, т. е. по просту волокутъ по полю бревно аршина въ 3—4 длиною при 3-хъ—4-хъ-вершковой толщинѣ. Для пахоты хозяева спрягаются по двое и больше.

Дней черезъ 30 послѣ посѣва пускаютъ воду на столько, чтобы она совершенно покрыла всходы; когда вода всосется и почва просохнетъ, поле пропалываютъ. Дней черезъ 10—15 поливаютъ во второй разъ, а еще черезъ 20 дней—въ третій разъ; за это время просо настолько вырастаетъ, что хорошо отѣняетъ почву, и она не такъ быстро высыхаетъ. Въ годы обильной воды поливаютъ и въ 4-й разъ, но это не необходимо. При хорошей водѣ въ день можно полить до 4-хъ пайковъ, при работѣ 1—2 человѣкъ, и вдвое меньше за ночь.

Поливка пшеницы производится иначе. Осенью, когда поля, бывшія подъ просомъ и предназначенныя для пшеницы, очистятся отъ хлѣба, ихъ обильно поливаютъ и такъ и оставляютъ до весны. Тотчасъ-же, какъ сойдетъ снѣгъ, сѣютъ пшеницу, запахиваютъ шойнъ-тызомъ и забораниваютъ. Дней черезъ 40 поливаютъ, пропалываютъ, и если лѣто сухое, такъ дней черезъ 20 поливаютъ вторично, обыкновенно-же ограничиваются однократной поливкой. Съ ячменемъ поступаютъ такъ же, какъ съ пшеницей. Люцерну сѣютъ преимущественно болѣе богатые. Сѣютъ ее съ пшеницей, выбирая лучшую землю и непременно вплоть къ тогану, послѣднее необходимо затѣмъ, чтобы расходовать возможно меньше воды; только при такомъ условіи общество разрѣшаетъ имѣть поля люцерны.

За лѣто съ люцерны снимаютъ 3 укоса; на хорошей землѣ съ десятины можно взять отъ 600 до 900 пудовъ, держится она до 10 лѣтъ. Интересно то, что на поляхъ люцерны попадаются выцвѣты солей и тѣмъ не менѣе, она даетъ порядочные урожаи.

Кромѣ перечисленныхъ растений, здѣсь воздѣлывается еще атконакъ исключительно для лошадей, которымъ его даютъ въ зеленомъ видѣ. Затѣмъ у каждого хозяина имѣются бахчи, на которыхъ воздѣлываются арбузы, дыни и подсолнухи.

Уборка всѣхъ хлѣбовъ и люцерны производится серпомъ; свя-

занный въ снопы хлѣбъ перевозится на токъ, устроенный тутъ-же по близости и вымолачивается ногами быковъ или лошадей, которыхъ гоняють по наложенному толстымъ слою хлѣбу. Вымолоченное и отвѣянное зерно сохраняется въ ямахъ. Мѣсто для зернохранилища выбирается повыше; каждый хозяинъ отмѣчаетъ свои ямки какимъ-либо знакомъ, около зернохранилища живетъ сторожъ.

Всѣ работы по полководству исполняются мужчинами до жатвы хлѣба включительно; на женщинъ лежитъ исключительно домашнее хозяйство.

О врагахъ земледѣлія я уже говорилъ выше; стоитъ, пожалуй, отмѣтить, что поврежденія хлѣбовъ растительными паразитами не знаютъ, но зато сильно одолеваятъ сорныя травы, изъ которыхъ особенно непріятны *джантакъ* и *каюень*, появляющіеся обыкновенно на двухлѣтней пашнѣ; тутъ ихъ еще выпалываютъ, но на слѣдующій годъ онѣ настолько засоряють поле, что сѣять не стоитъ, и поле забрасывается.

На заброшенныхъ поляхъ эта трава постепенно вытѣсняется низкорослой лебедой.

Разъ заброшенная пашня не вспахиваются вновь; по мнѣнію киргизъ, если-бы и вспахать ихъ, такъ толку не было-бы, такъ какъ эти заброшенные поля обратились въ солонцы. И дѣйствительно, тѣ оставленные пашни, которыя мнѣ случилось видѣть, были почти всегда покрыты бѣлыми налетами соли. Необходимо однако замѣтить, что извѣстно нѣсколько случаевъ, когда были распаханы участки, уже раньше, лѣтъ 15 назадъ, побывавшіе подъ пашней; такъ, напримѣръ, въ тоганѣ Басъ-кзылталь я видѣлъ поля, распаханные послѣ 15—18 лѣтъ отдыха; повидимому, хлѣбъ на нихъ былъ не хуже, чѣмъ на новыхъ земляхъ. Быть можетъ, киргизы отдають предпочтеніе новымъ землямъ потому, что на нихъ урожай вѣрнѣе, запасъ ихъ еще великъ, а раздѣлка нови не представляетъ особыхъ затрудненій, конечно, не говоря о проведеніи самаго тогана. Она производится такимъ образомъ: поздней осенью, передъ тѣмъ какъ запирать арыкъ, затопляютъ на сколько возможно мѣсто будущей пашни, теперь заросшее сексеуломъ, и затѣмъ выкорчевываютъ его, дѣйствуя своими мотыгами; только самые неподатливые экземпляры остаются до весны или до втораго хлѣба.

Относительно урожая разныхъ хлѣбовъ мнѣ удалось собрать весьма несовершенныя данныя. Отчасти это зависѣло оттого, что послѣдній (1898 годъ) отличался такъ же, какъ и 2—3 предшествовавшіе года, неурожаемъ, а главнымъ образомъ оттого, что единицы измѣренія у нихъ крайне не постоянныя и перевести ихъ на деся-

тины и пуды было весьма трудно. Такъ, для измѣренія участка земли у нихъ въ ходу „шабакъ“ палка, которая бываетъ и 3 и $4\frac{1}{2}$ и 5 арш.; высѣвъ просо и конака они давали въ „чирекахъ“ (чирекъ—большая деревянная чашка), говоря, что 6—7 чирекъ составляетъ пудъ; урожай выражали въ *канахъ*—мѣшкахъ, въ которыхъ мы считали 6 пудовъ, но весьма вѣроятно, что ихъ тамъ было и 7 и 8. Въ виду этого, объ урожаяхъ можно говорить только съ большой осторожностью. На основаніи имѣющихся у меня записей, я принимаю средній урожай пшеницы въ самъ 15, что при 6-ти пудахъ посѣва даетъ валовой сборъ въ 90 пудовъ, а просо въ самъ 150 (отдѣльные показанія отъ самъ 80 до самъ 200 для средняго урожая), что при посѣвѣ 1 пуда даетъ 150 пудовъ съ десятины. Для конака, который нѣсколько урожайнѣе—180 пуд. съ казенной десятины. Я думаю, что эти цифры, вѣроятно, меньше дѣйствительныхъ, а не больше.

Оговорюсь, что я всегда считалъ урожай съ занятой площади, т. е. спрашивалъ, сколько на данный участокъ можно было-бы высѣять, если-бы не исключать канавки, неудобныя мѣста и т. п. и такимъ образомъ подходилъ къ вопросу о сборѣ съ данной площади.

Относительно площадей, занятыхъ разными хлѣбами, 1898 годъ не даетъ надлежащаго представленія вслѣдствіе того, что изъ 18-ти тогановъ только 4 продолжали свой главный арыкъ, прочіе-же, по неимѣнію сѣмянъ и по слабости отъ проведенной впроголодь зимы, не продолжали его и такимъ образомъ и самая площадь пашень должна быть въ 1898 году меньше обычной. Кромѣ того, площадь подъ просомъ и конакомъ, сѣющимися по новой землѣ, должна быть меньше обычной, площадь-же пшеницы больше.

Въ 1898 году подъ пшеницею было 450 дес. или 45% всей площади посѣва, подъ просо 368 дес. или 33%, по 83 дес. или по 5% подъ люцерной и конакомъ, 122 дес.—10%—подъ бахчами и 16 дес. (1,5%) подъ ячменемъ.

Въ нормальные годы площадь подъ просо и конакомъ должна быть не менѣе 50% общей площади пашни, а эта послѣдняя, вѣроятно, не менѣе 1500 десятинъ. Если вычислить по среднимъ урожаямъ валовое количество зерна, произведеннаго на Чу въ 1898 г., такъ получимъ слѣдующія цифры:

Пшеница 450 дес.—40,000 пуд.

Просо 368 » —55,000 »

Конакъ 83 » —16,000 »

Въ общей сложности болѣе 100,000 пудовъ, что при потребленіи (въ 1898 г.) въ 30,000 пудовъ даетъ больше 70,000 пуд. избытковъ.

Хотя прямого опроса о количествѣ проданнаго хлѣба и не было сдѣлано, но имѣются указанія на то, что продажа дѣйствительно бываетъ, что покупателями являются сѣверяне, приходящіе сюда съ верблюдами за хлѣбомъ, который они вымѣниваютъ главнымъ образомъ на кошмы, на которыя у чуйцевъ, не имѣющихъ постоянныхъ построекъ, а живущихъ лѣто и зиму въ юртахъ, большой спросъ. За послѣдніе 3 года на Чу были неурожаи и цѣны на хлѣбъ стоятъ высокія; такъ, весною 1898 года за овцу давали 20 чиреконъ (3½ пуд.) пшеницы, т. е. пшеница обходилась около 70 коп. за пудъ, а зимою 97—98 г. за кусокъ кошмы въ 7 арш. длины и 3 арш. шириною давали до 40 чиреконъ пшеницы, т. е. также около 70 коп. за пудъ, при цѣнѣ овцы въ 2 руб. 50 коп. и аршина кошмы въ 70 коп.; надо сказать, что это цѣны базарныя, слишкомъ высокія для Чу.

Вообще говоря, деньги мало извѣстны на Чу, тамъ до сихъ поръ еще царитъ обмѣнъ продукта на продуктъ, при чемъ мѣнковой единицей служить баранъ. Такъ напр., если сѣверяне привѣзжаютъ за хлѣбомъ, такъ и хлѣбъ и кошма, на которую онъ будетъ вымѣненъ, обмѣниваютъ на овцу; кошма стоитъ 2 тохты и серкечь и за нихъ даетъ 40 чиреконъ пшеницы. Или напр. при наймѣ работника уговариваются, что онъ получитъ лошадь, стоящую 5 барановъ. Больше мелкой единицею считается шкурка улака (козленка) или козы (ягненка). Нечего и говорить, что такой порядокъ вещей очень выгоденъ для торговцевъ, берущихъ невѣроятные % на свой товаръ.

Изъ воздѣлываемыхъ растений на продажу идетъ главнымъ образомъ пшеница и отчасти просо, а для собственнаго потребленія въ пищу идутъ: пшеница, ячмень, просо, конакъ, арбузы и дыни. Послѣдніе употребляются главнымъ образомъ въ свѣжемъ видѣ; сѣмочки дынь идутъ на приготовленіе такъ называемаго „кауункурта“, для чего внутренность содержимаго дыни измельчается и вываривается въ котлѣ до густоты, послѣ чего прибавляютъ пшеничной муки изъ поджаренныхъ зеренъ. Комочки этой массы высушиваются на солнцѣ на чіяхъ и въ сухомъ видѣ идутъ въ пищу. Бѣдняки ѣдятъ кауункуртъ съ чаемъ, а богатые если и ѣдятъ, такъ распущеннымъ въ горячемъ маслѣ или салтѣ. Затѣмъ изъ дыни дѣлаютъ „кауушикъ“—это сплетенныя въ косу полоски дыни, провяленные на солнцѣ. Кауушикъ сохраняется на зиму и служитъ лакомствомъ для бѣдняковъ, которые ѣдятъ его съ чаемъ или съ „коже“.

„Коже“ играетъ такую же роль въ жизни чуйскаго киргиза, какъ кумысъ въ жизни кочевника. Приготавливается коже изъ зеренъ пше-

ницы или проса и представляет собою сквашенный отваръ изъ превращенныхъ въ крупку поджаренныхъ зеренъ пшеницы или проса. Коже изъ проса вкуснѣе и сытнѣе, чѣмъ изъ пшеницы.

Квасятъ коже въ большихъ кожаныхъ ведрахъ „кубы“. Изъ ковака также дѣлаютъ коже. Затѣмъ изъ зеренъ пшеницы дѣлаютъ „атала“,—это измельченные поджаренные зерна пшеницы сваренные въ кипяткѣ и превращенные въ тѣсто. Ъдятъ его въ холодномъ или горячемъ видѣ, одобреннымъ саломъ или молокомъ. Ъдятъ также просто поджаренные въ салѣ зерна пшеницы. Изъ муки дѣлаютъ „баурсаки“ (богачи, имѣющіе сало или масло), „джука“ (лепешка), „куймак“—нѣчто въ родѣ оладьевъ или клецокъ, сваренныхъ въ молокѣ, „кульче“—тонко раскатанное тѣсто, испеченное въ золѣ. Особенно любимое блюдо это „джегетъ“, приготовляемый изъ пшеничныхъ и просяныхъ поджаренныхъ и истолченныхъ зеренъ, смѣшанныхъ съ рымчикомъ и большимъ количествомъ масла.

Изъ молока дѣлаютъ куртъ, рымчикъ¹⁾, масло, а главное айранъ и катыкъ (сквашенное молоко), служащіе вмѣстѣ съ коже главными пищевыми продуктами чуйцевъ. Мясо является роскошью въ пищѣ чуйцевъ и потребляется ими въ сравнительно ничтожномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ у кочевниковъ, существуетъ осенняя забойка скота, такъ назыв. „согумъ“.

Укажу кстати на сохранившійся здѣсь обычай, быть можетъ переживаніе когда-то общаго родового потребленія, по которому богачи передъ согумомъ закалываютъ одну—двѣ овцы, которыя и сѣдаются всѣмъ тоганомъ. Быть можетъ, такое-же значеніе имѣетъ обычай дѣлать складчину между членами всего тогана для покупки овцы, которую сѣдаютъ при первомъ пропускѣ воды въ новый тоганъ, или-же приготовленіе коже изъ перваго сжатого снопа пшеницы, которое затѣмъ выпивается всѣмъ тоганомъ; послѣ окончанія жатвы, опять таки колятъ овецъ и сѣдаютъ ихъ всѣмъ тоганомъ. Съ другой стороны, это можетъ быть обрядъ жертвоприношенія для умилостивленія божества, во власти котораго находится вода и урожай, или для благодаренія ихъ за благополучную жатву.

Я уже нѣсколько разъ называлъ мѣстныхъ киргизъ осѣдлыми, и думаю, что у слушателей можетъ явиться вопросъ, на основаніи какихъ признаковъ ихъ слѣдуетъ считать осѣдлыми? Вѣдь и среди бесспорныхъ кочевниковъ есть такіе, которые занимаются земледѣ-

¹⁾ Куртъ—это жирный сыръ, приготовляемый изъ цѣльнаго молока, рымчикъ—топкій сыръ изъ снятаго молока.

въ Кокчетавскомъ . . .	20	головъ скота.
» Атбасарскомъ . . .	30	» »
» Павлодарскомъ . . .	26	» »
на Чу	8,8	» »

въ Павлодарскомъ .	0,3	десятины
» Кокчетавскомъ. .	0,4	»
» Атбасарскомъ . .	0,4	»
у чуйскихъ киргизъ .	1,9	»

На 1 хозяйство приходится:

У ѣ з д ы:	Лошадей	Рогатого скота	Верблюдовъ	Овецъ	Козъ	Въ переводѣ на лошадь:				
						Лошадей	Рогат. скота	Верблюдовъ	Овецъ	Козъ
Кокчетавскій.	16	8,5	0,0	20	5	11	5	0,0	3	1
Атбасарскій .	14	6	4	41	3	11	4	7	7	0,5
Павлодарскій .	14	14	0,7	27,4	2,7	11	8	1,3	5	
Чуйск. киргизы	0,8	3,7	0,8	19	6	0,8	2,1	1,6	3,2	1

Изъ этой таблички видно, что у чуйскихъ киргизъ слишкомъ вдвое меньше скота, чѣмъ у кокчетавскихъ, и втрое, чѣмъ у атбасарскихъ, что въ ихъ стадѣ преобладаютъ овцы, козы и рогатый скотъ (96%), а лошади, составляющія главное богатство кочевника и обиліе которыхъ является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ кочевого хозяйства, имѣютъ значеніе только какъ рабочее животное и въ стадѣ на нихъ приходится всего 2%, противъ 29 въ Атбасарскомъ, 24 въ Павлодарскомъ и 31 въ Кокчетавскомъ уѣздахъ.

Далѣе, если мы разобьемъ всѣ 600 хозяйствъ чуйцевъ на нѣсколько группъ по величинѣ высѣва, т. е. подсчитаемъ всѣ хозяйства не имѣющія посѣва, затѣмъ имѣющія до 1 десятины, до 2, до 3, до 4, до 5 и свыше 5, такъ увидимъ:

Г р у п п ы:	% хозяйствъ	Средняя семья	% мужчинъ	Всего скота на хозяйство	На 1 хозяйство приходится:					% семей, занятыхъ пропашными	Потребленіе на душу пудовъ:	
					Лошадей	Рогат. скота	Верблюдовъ	Овецъ	Козъ		Муки	Мяса
I. Неимѣющія посѣва	17	4,7	55	10,9	1,1	2,4	2	22	6	44	7,9	2,9
II. Имѣющія до 1 дес.	23	5,25	55	6,2	0,5	2,4	0,5	13	6,1	25	7,3	1,1
III. " " 2 "	27	5,82	56	6,2	0,6	3,1	0,4	13	5,4	25	8,1	1,1
IV. " " 3 "	13	6,35	54	7	0,6	3,1	0,5	16,8	5,5	9,5	9,3	1,3
V. " " 4 "	10	6,5	54	9,8	0,8	5,2	0,7	25,3	7,2	23	9,9	2,3
VI. " " 5 "	4	7,4	50	13,8	1,1	6,2	1	32	10,4	20	10,5	2,6
VII. Имѣющ. свыше 5 д.	5	7,45	60	25,8	4,2	15,5	1,4	51	10,4	25	12,4	4,1
	100	5,78	—	8,7	0,9	3,7	0,8	19	6,3	—	8,5	1,8

что съ увеличеніемъ размѣровъ высѣва увеличивается семья, уве-

личивается стадо¹⁾, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что увеличеніе числа лошадей сравнительно не велико, такъ же какъ и верблюдовъ, тогда какъ увеличеніе числа рогатаго скота и особенно овецъ весьма замѣтно. Съ увеличеніемъ запашки растетъ и потребление. Сравнивая потребление чуйскаго киргиза съ потреблениемъ кочевниковъ, мы увидимъ, что первые потребляютъ больше муки и гораздо меньше мяса, чѣмъ послѣдніе.

На одну душу пудовъ:

	муки:	мяса:
Въ Кокчетавскомъ уѣздѣ	?	5,4 ²⁾
» Павлодарскомъ »	5,6	5,5
Чуйскіе киргизы	8,5	1,8

А если обратимся къ бюджетамъ, составленнымъ воронежскими земскими статистиками, такъ увидимъ, что тамъ потребление мяса, птицы, сала на 1 душу обоого пола опредѣлилось около 1,3 пуда, т. е. потребление мяса чуйскими киргизами весьма близко къ потребленію воронежскихъ крестьянъ и значительно уступаетъ потребленію мяса кочевниками.

Если сравнить, далѣе, количество труда, затрачиваемое тѣмъ и другимъ киргизомъ на выработку средствъ существованія, такъ даже безъ точнаго учета работы того и другого окажется, какая громадная разница лежитъ между ними. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны мы видимъ, что борьба съ природою, подчиненіе себѣ ея силъ почти отсутствуетъ, что все благосостояніе кочевника зависитъ почти исключительно отъ благоприятно или неблагоприятно сложившихся условій погоды: хорошая осень, мягкая малоснѣжная зима безъ бурановъ и гололедицы—и кочевникъ процвѣтаетъ, но случилась сильная гололедица или выпадетъ такой глубокой снѣгъ, что подножный кормъ сдѣлается недоступнымъ—и кочевникъ оказывается совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ бѣдою,—скотъ падаетъ массами, и вчерашній богачъ дѣлается бѣднякомъ; съ другой стороны, мы видимъ массу труда, затрачиваемого на борьбу съ природою, въ результатѣ котораго скудная почва, при естественныхъ условіяхъ могущая произвести только сексеулъ да жалкую растительность пустынь, начинаетъ давать урожаи хлѣбовъ, прокармливающіе тысячное населеніе и дающіе излишки для сбыта на сторону. Соображая все это, можно, не смотря на то, что чуйскій киргизъ также совершаетъ кочевки и подчасъ даже болѣе значительныя, чѣмъ истый кочевникъ, назвать его осѣдлымъ земледѣльцемъ.

¹⁾ Противорѣчіе этому въ I-й группѣ объясняется тѣмъ, что въ эту группу вошли посторонніе, живущіе промыслами и пастухи, выпасывающіе стада богачей.

²⁾ По бюджетамъ.

И по своей внѣшности чужецъ болѣе напоминаетъ крестьянина-пахаря, чѣмъ кочевника-киргиза: такія же грубыя, мозолистыя руки (у кочевниковъ руки мягкія, не рабочія), загорѣлыя груди, такая же простая одежда, приспособленная къ работѣ (у кочевниковъ, избѣгающихъ ходьбы и одежда, и обувь вовсе не приспособлены къ работѣ—стоитъ только вспомнить ихъ калоши съ вершковыми каблуками), даже въ выраженіи лица есть что-то дѣлающее ихъ болѣе близкими къ русскому крестьянину-пахарю, чѣмъ къ своему сородичу кочевнику.

Но если мы присмотримся къ его земледѣльческому хозяйству, такъ будемъ поражены его инертностью, полной неподвижностью тѣхъ формъ, въ которыя оно вылилось и какъ-бы застыло въ нихъ. Какъ будто-бы эти киргизы заимствовали откуда-то свою культуру и такъ и сохраняютъ ее въ полной неподвижности. Начать хоть-бы съ орудій: они пахутъ до сихъ поръ шоинъ-тызомъ, который, вѣроятно, ни на волосъ не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ былъ изобрѣтенъ; они до сихъ поръ не знаютъ косы и потому запасаютъ на зиму камышъ, а не мелкую луговую траву, конечно, значительно превосходящую по питательности камышъ; далѣе, они не додумались до воздѣлыванія риса, хотя, по увѣренію нѣкоторыхъ лицъ, рисъ могъ-бы здѣсь расти; они не пробуютъ возвращаться на разъ побывавшія подъ пашней мѣста; они не удобряютъ своихъ полей, тогда какъ, по словамъ одного бывалаго обывателя гор. Вѣрнаго, встрѣченнаго нами на Чу, сарты, хозяйничающіе при такихъ-же условіяхъ, дѣлаютъ кучи изъ сорныхъ травъ въ перемежку съ землею и полученную массу (компостъ) разбрасываютъ по полю. На ряду съ этимъ мѣстные киргизы воздѣлываютъ люцерну, которая при ихъ хозяйствѣ, пожалуй, и не особенно нужна имъ, но такъ дѣлали дѣды и прадѣды и они не отступаютъ отъ ихъ завѣтовъ. Словомъ, повторяю, ихъ хозяйство отличается полною инертностью, а, между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы это было лѣнивое неспособное къ тяжелому земледѣльческому труду населеніе; напротивъ, судя по всему, они должны затрачивать массу труда и очень тяжелого, упорнаго и въ своемъ дѣлѣ они проявляютъ достаточно искусства, технической смѣлки. Повидимому, эта инертность можетъ быть объяснена полною изолированностью ихъ отъ внѣшняго міра: съ сѣвера они отдѣлены пустынею Бедъ-накъ-дала, съ юга простираются широкою полосою пески моюнь-кумъ, на западъ тянется почти безлюдная мѣстность по Чу, на востокъ—также мало обитаемая пространства. Имъ неоткуда позаимствовать ни улучшенныхъ орудій, ни новыхъ растений болѣе доходныхъ, чѣмъ воздѣлываемыя ими.

Они даже мало отлучаются на сторону, такъ какъ предусмотрительные скупщики забираютъ у нихъ на мѣстѣ избытки зерна и скота въ обмѣнъ на разные мануфактурные товары и др. предметы ихъ обихода.

Но, не смотря на невѣжество и инертность населенія, изолированность его отъ внѣшняго міра, влияние этого послѣдняго сказывается на разрушеніи стараго уклада жизни чуйцевъ, и можно только пожалѣть, что разрушеніе это происходитъ исключительно подъ влияніемъ дѣятельности разныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей.

ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ ГОЛОДНУЮ СТЕПЬ.

3-го Сентября. Последніе аулы передъ Голодною степью стоятъ на рѣчкѣ Кокъ-талъ, притокѣ р. Батпакъ-су; отсюда до холмовъ Койлюбай и Болатъ — сѣверная граница Голодной степи — верстъ 25. Дорога идетъ совершенно ровною мѣстностью почти вплоть до Койлюбай и Болата. Первые нѣсколько верстъ приходится ѣхать берегомъ Кокъ-тала по хорошей травѣ, состоящей изъ густого джусана съ островками чія, бидеака, тарлау; кое-гдѣ торчатъ копны скошеннаго сѣна. Далѣе растительность рѣдѣетъ, появляются кокъ-пекъ, терескенъ, сочные зеленые кусты кара-баркама и кара-соры; почва видимо становится болѣе солонцеватой. Верстахъ въ 20-ти отъ Кокъ-тала, за соленой рѣчкой Дуана, поросшей чѣмъ, начинается сплошной кара-джусанъ, а дальше верстъ черезъ 5 — баялычъ. Тутъ мѣстность дѣлается неровной и переходитъ въ холмы Койлюбай и Болатъ, у подножья которыхъ вытекаетъ небольшой ручей — Каска булакъ, около котораго мы полднели. Холмы Койлюбай-Болатъ тянутся цѣпью, слабо отклоняясь къ SW до Сасыкъ булака — мѣсто нашей ночевки. Отъ Каска-булака до Сасыкъ-булака дорога идетъ по плотнымъ глинамъ, то свѣтлымъ, то краснымъ и желтымъ. Всюду въ почвѣ много гальки. Растительность — джусанъ, то въ смѣси съ баялычемъ, то съ низенькимъ ковылемъ, то съ мелколистнымъ караганомъ. Вокругъ ключа хорошій чій и зеленый густой злаковый дернъ.

4-го Сентября. Отъ Сасыкъ-булака до ночевки Кили-кожа-кудукъ (80 в.) дорога идетъ волнистой мѣстностью, къ концу пути становящейся болѣе открытой. Дважды дорога пересѣкаетъ обширные солонцы, бѣлые отъ налета солей, поросшіе кокъ-пекомъ и солянками, а мѣстами чѣмъ; верстахъ въ 20-ти отъ Сасыкъ-булака проходитъ длинный, размывъ весенними водами, оврагъ, — Уафи-тшканъ. Верстахъ въ 35-ти отъ Сасыкъ-булака находится колодезь Шурукъ на сѣверномъ склонѣ какихъ-то безымянныхъ холмовъ, усѣянныхъ крупными камнями. Вслѣдствіе накопленнаго въ теченіе многихъ лѣтъ помета животныхъ, вокругъ колодца образовался довольно толстый слой темной земли, покрытой травой. Верстахъ въ 5-ти отъ Шурука на вершинѣ холма нѣсколько киргизскихъ могилъ. Верстахъ въ 10—12-ти отъ колодца Кили-кожа дорогу пересѣкаетъ гряда съ выходами бѣлыхъ кварцевъ, образующихъ большія скалы, а около самаго колодца разбѣяны скалистые выходы мясокраснаго кварцита. Растительность всюду крайне бѣдна и однообразна: джусанъ, баялычъ, кокъ-пекъ, какой-то карликовый ковыль въ видѣ ничтожной примѣси къ полыни и баялычу, да мѣстами заросли чія.

5-го Сентября. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ мѣстность выравнивается и обширныя высокія плато попадаются чаще, чѣмъ раньше. Въ почвѣ всюду много гальки, кварцитовой преимущественно. Вокругъ булака Садакъ-конганъа возвышаются холмы съ выходами цвѣтныхъ кварцитовъ; булакъ съ обильной водою струится по обширной долиנѣ, поросшей чѣмъ. Растительность — баялычъ,

джусанъ, кокъ-пекъ, изрѣдка въ лощинахъ низкорослый ковыль. Около колдца Кень-кйакъ (45 верстъ отъ Кили-кожа) нѣчто въ видѣ сухого русла съ песчанымъ дномъ, поросшимъ между прочимъ *Pumeporphysa*¹⁾.

6-го Сентября. Отъ Кень-кйака до могилы Каип-берды (12 в.) тянется ровное съ слабымъ скатомъ на S плато. Отсюда виденъ хребетъ Байгара-Чачарлы. Верстахъ въ 2-хъ отъ могилы логъ Джартасъ; въ логу, поросшемъ камышемъ, въ видѣ Кара-су держится круглый годъ вода солоно-горькаго вкуса. Джаръ-тасъ съ отвѣсными каменными стѣнами тянется въ SW направленіи до ручья Кокъ-талъ, начинающагося близъ хребта Байгара. За Джартасомъ мѣстность снова дѣлается холмистой и только близъ Кызыл-таса—большіе выходы гранитныхъ плитъ, въ углубленіи которыхъ мы нашли прекрасную воду—она снова выравнивается; снова появляются баялычи, уступившія мѣсто между Джаръ и Кызыл-тасомъ кокъ-пекамъ и кара-баракамъ. Дальше снова начинаются холмы и только близъ горъ Чагырлы довольно обширная солончаковая равнина.

Ущелье Анда-сай прорѣзываетъ хребетъ Чагырлы поперекъ. Оно извилисто, принимаетъ много мелкихъ логовъ, по дну его рядъ карасу—остатки бурнаго весенняго потока. По дну, покрытому почти сплошь выцвѣтами солей, заросли камыша, джингыла, шенгеля, тала и нѣкоторыхъ травъ. Бока ущелья сложены изъ такой-же темной породы (сланцы?), какъ Джартаса. Въ горахъ много ключей, въ ключѣ Аркаръ-су—наша стоянка—вода прѣсная, но затхлая.

7-го Сентября. Отъ Аркаръ-су до Отельбай-тиермены (мельница Отельбая, поставленная на арыкѣ) слишкомъ 40 верстъ. Сначала, за хребтомъ, дорога идетъ по довольно ровной, но все еще всхолмленной мѣстности, покрытой баялычемъ въ перемежку съ кокъ-пекомъ и солянками. Верстахъ въ 25-ти отъ Аркаръ-су дорогу пересѣкаетъ широкое (сажень 100—150) сухое русло съ крутыми, сажени въ 2 вышины, берегами; названія это русло не носитъ и бы-ла-ли здѣсь когда-нибудь вода, киргизы не знаютъ. За этимъ русломъ начинается плотная съ мелкой галькой почва, покрытая однимъ джусаномъ. Верстахъ въ 10-ти отъ русла начинаются заросли сексеула, растущаго на пескѣ; среди сексеула попадаются пятна въ десятки и сотни квадратныхъ сажень плотныхъ, потрескавшихся, совершенно голыхъ солонцовъ. Здѣсь уже начинаютъ попадаться арыки и пашни съ хлѣбами, травой и бахчами.

22-го Сентября. Обратный путь съ Чу мы сдѣлали черезъ ущелье Джельсай, пересѣкающее также хребетъ Чагырлы, но восточнѣе Анда-сай. До Джальсая дорога идетъ сплошными сексеулами верстъ на 30—35, по совершенно ровной мѣстности, рельефъ которой нарушается только невысокими песчаными буграми.

За сексеуломъ мѣстность немного повышается и затѣмъ уже у горъ она снова падаетъ. Ущелье Джальсай также извилисто, какъ Анда-сай и принимаетъ въ себя также много логовъ, но по растительности Джальсай производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ Анда-сай: она здѣсь разнообразнѣе и болѣе мощна. Почва здѣсь повидимому менѣе солена, чѣмъ по Анда-саю, по крайней мѣрѣ, здѣсь меньше бѣлыхъ солонцовъ. Въ Джель-саѣ имѣются крытые овечьи загоны изъ камыша и даже одна зимовка изъ камня.

23-го Сентября. По выходѣ изъ горъ, начинаются баялычи. Верстахъ въ 5-ти отъ конца ущелья находится ключъ Мажи-соръ-булакъ съ прѣсною во-

1) Опредѣленіе М. М. Сіазова.

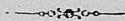
дою. На востокъ отъ ключа проходитъ дорога Конъ-джоль, которая верстахъ въ 20—25-ти отъ Мажи-соръ-булака развѣтвляется, и восточная ея вѣтвь, по которой мы поѣхали, называется Чакъ-чагайлы-джоль. Первая стоянка отъ Мажи-соръ-булака — это колодезь Акъ-тасты близъ могилы Бель-кожа. Близъ ночевки выходы гранита въ видѣ плитъ и небольшая сопка Акъ-тасты съ бѣлыми кварцитами. Отъ горъ до Акъ-тасты мѣстность довольно ровная съ однообразной растительностью изъ баялыча и полыни; кокъ-пековъ очень мало. Отъ начала Джаль-сая до Акъ-тасты версть 70—75.

24-го Сентября. Полдневка у колодца Берубай-тиканъ, ночевка у колодца Чакъ-чагайлы; все время дорога идетъ высокою баялычною степью съ слабыми склонами; кокъ-пековъ мало, солонцевъ тоже мало; только около Чакъ-чагайлы-кудукъ много кокъ-пековъ.

25-го Сентября. Верстахъ въ 7-ми отъ ночевки небольшое соленое озеро Акъ-джандыкъ-саръ, а въ 25-ти верстахъ оврагъ Кара-онгыръ, интересный по обнаженію конгломератовъ. Сохраняя тотъ-же слабо-волнистый рельефъ съ широкими плато, мѣстность начинаетъ понемногу обогащаться растительными видами; такъ, около колодца Кара-мырза (версть 40—45 отъ колодца Чакъ-чагайлы) примѣсь коке (высокіе злаки) къ баялычу дѣлается замѣтной. Колодезь Косъ-Кудукъ въ 20-ти верстахъ отъ Кара-мырзы находится у подножья гранитной гряды, въ видѣ большихъ плитъ.

26-го Сентября. Характеръ Голодной степи „чоль“ исчезаетъ, начинается сары-арка; баялычъ изъ господствующаго растенія мало по малу дѣлается примѣсью и степь съ сѣраго тона начинаетъ переходить въ желтый. Карауль-төбе (мѣсто нашей ночевки) это уже джайлау и кѳзеу сѣверныхъ киргизъ; мы нашли у воды свѣжіе слѣды пребыванія аула здѣсь. Около Карауль-төбе намъ попались первыя дрофы.

27-го Сентября. Въ 25-ти верстахъ отъ Карауль-төбе на колодцѣ Егенды-булакъ мы видѣли послѣдніе экземпляры баялыча; дальше на сѣверъ мы его уже не встрѣчали.

ЛАТИНСКІЯ НАЗВАНІЯ РАСТЕНІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ДОКЛАДѢ.

Джусанъ.	.	.	.	Artemisia.
Чій	.	.	.	Lasiagrostis splendens.
Бидакъ.	.	.	.	Triticum.
Тарлау	.	.	.	Elymus (не Triticum ли?).
Кокъ-пекъ	.	.	.	Atriplex canium.
Терескенъ	.	.	.	Eurotia.
Кара-баракъ	.	.	.	Anabasis aphylla.
Кара-соры	.	.	.	?
Баялычъ	.	.	.	Atraphaxis Karelinia.
Джингиль	.	.	.	Tamarix.
Шенгель	.	.	.	Eremo stachys
(или чингель?)	.	.	.	phlomooides (?).
Сексеуль	.	.	.	Haloxylon ammodendron.
Джантакъ	.	.	.	Alhagi Camelorum.
Калюенъ	.	.	.	?
Коде	.	.	.	Stipa (преимущественно).

Г. КАРКАРАЛИНСКЪ ●

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

ДОЛИНЫ Р. ЧУ
и прилегающаго къ ней
Иаркаралинскаго
уѣзда.

Насчитавъ.

